

Куранты. — 1995. — 6 окт. — С. 13.

На днях в Москве состоится презентация удивительной книги. Она составлялась шесть лет, а писала ее многие десятилетия. Называется «Театр ГУЛАГа». Это воспоминание об актерах и режиссерах лагерных театров 1920 — 1950-х годов. О людях искусства, на многие годы оказавшихся за колючей проволокой без вины виноватыми и продолжавших даже там оставаться творцами. О них писали А. Солженицын, В. Шаламов, Е. Гинзбург... И все же тема «Искусство и ГУЛАГ» далеко не исчерпана, ибо нельзя, невозможно исчерпать трагедию, даже поведав о ней, казалось бы, все самое главное и с максимальной полнотой.

К сожалению, в книгу вошла лишь небольшая часть собранных воспоминаний о гулаговских актерах, режиссерах, драматургах, композиторах. Даже при содействии Фонда Генриха Белля (Германия) общество «Мемориал» не смогло найти средств для издания «толстой» книги, для публикации в ней иллюстраций. Тем не менее это скромно оформленное шестидесятистраничное издание потрясает — правдой той страшной жизни и мужеством людей, чей талант мы привыкли считать достоянием огромным, но хрупким. Предлагаем вниманию читателей «Курантов» фрагмент из книги — записки актрисы Иды Варпаховской о прекрасном театральном режиссере Леониде Варпаховском.

В лагере на Колыме духовой оркестр играл при выводе на работу, а на работу выводили в пять часов утра! Точно, как в немецких лагерях. Играли фальшиво. Начальство узнало, что у Леонида Викторовича Варпаховского музыкальное образование, его вызвали, спрашивают: «Можешь ноты исправить?» И Л.В., никогда раньше не занимавшийся подобной работой, взялся за исправление партитуры. Он две недели был в тепле, более или менее сытый. К счастью, с работой он справился.

Однажды до Л.В. дошел слух, что в соседнем лагере — в нескольких километрах от его ОЛПа — есть культбригада. И он, доведенный до отчаяния, решил туда пойти. А выйти через вахту невозможно. Если выходишь из зоны, стреляют. Но он вышел. Часовые на вышках даже представить себе не могли, что вышел он самовольно! Раз человек идет, значит, имеет право. И его даже не окликнули. Он прошел четыре километра и таким же точно образом вошел в соседний лагерь. Разыскал нужный барак, открыл дверь и остолбенел. По стенкам нары, а центр свободный (обычно нары устраивали так, что только узкие проходы оставались). А тут был еще и стол, на котором лежали пайки хлеба. В центре стояла железная печурка. На нарах в белье «первого срока» сидели блатные и играли в карты, курили. Висели коврики с лебедями. В культбригады 58-я допускалась только в виде исключения.

Когда Л.В. сказал, что он артист, раздался дружный хохот — в таком он был страшном виде. К нему подошел человек, по виду вроде не блатной, и спросил:

— Ну и кто же вы — Моцарт или Гамлет?

(Те, кто причастен к музыке, были Моцарты, а те, кто к драме, — Гамлеты.)

Л.В. подумал и сказал:

— Скорее Гамлет.

— Ну подождите, с вами сейчас поговорят.

Подошел человек очень болезненного вида с отеками желтым лицом. Сели, стали разговаривать, человек задавал всякие каверзные вопросы. Например: «Вам понравилась актриса Гельцер из Малого театра?» Л.В. отвечал: «Гельцер — балерина». — «Где находится Большой театр, а где Малый?» — ловил, проверял, экзаменовал.

Наконец спросил:

— Кем же и где вы работали?

— Я работал у Мейерхольда.

— А чем вы у него занимались?

— Я был его ученым секретарем.

Человек огорчился:

— До сих пор вы говорили мне правду, а сейчас обманули. Ученый секретарем у Мейерхольда был мой друг,

ходит», собственноручно его пристреливал. Вот такой закатчик!

Легко сказать, сочинить концерт! Правда, в бригаде были и такие люди, как Нальский — талантливый опереточный актер, Николай Рытклов — актер Театра Ленинского комсомола, Аркадий Школьник — молодой комсомольский работник, журналист, но в основном то — блатные-четечники. Аркадий Школьник предложил сочинить композицию под названием «Днепр бушует» — об освобождении Киева: «Как комсомольский работник и журналист говорю вам, что к праздникам Киев обязательно освободят». Л.В. колебался: «А если не освободят? В лучшем случае пошлют на штрафной прииск, а то и вообще... От Гакаева всего можно ждать». — «Ручаюсь тебе головой, — настаи-

...Сидели тогда многие художники, с двумя из них — Леонидом Вегенером и Исааком Шерманом — Л.В. довелось работать. Исаак Шерман был превосходный художник и образованнейший человек, долго жил в Париже, прекрасно знал язык и культуру страны. Он очень пессимистично смотрел на наше будущее, не верил, что мы когда-нибудь станем прежними. Говорил, что мы подопытные кролики и что опытам над нами не будет конца. Прав был! Есть одно его письмо Л.В. (о «Холопке» — они вместе ее делали), написанное на куске обоев, наполовину — по-французски. Замечательны и стиль письма, и тонкие изящные эскизы — на обоях.

К каждому празднику писались портреты вождя. Не обошло почетное задание и великолепного художника Шушаева. Он сделал поясную

На фабрике я проработала четыре года, потом не выдержала, попросилась все-таки в самодеятельность. Видимо, мое пение понравилось Дабкиной, жене начальника УСВИТЛА, которая заведовала КВО Маглага. Меня перевели в женОЛП, где была организована культбригада.

И культбригада, и театр, и вся наша жизнь находилась в полной власти Никишова и Гридасовой, их расположение или немилость решали нашу участь, недовольное выражение лица могло обернуться увеличением срока, они были нашими полновластными хозяевами. Иван Федорович Никишов, начальник Дальстроя, генерал-лейтенант, имел личный особняк в центре Магадана, сад вокруг дома (это в Магадане-то!) и прямой провод к Сталину. Он был в зените своего могуще-

Первой постановкой Варпаховского в Магадане было «Похищение Елены» Луи Вернейля. Комедия нужна была ему, чтобы раскрепостить людей хотя бы на сцене. Спектакль оформляли художники Вегенер и Карпенко. В нем участвовали Демич, Кольцов и частушечница Дуся Тарасова. На одной из репетиций «Елены» я и влюбилась. Я была очарована, потрясена, я поняла, что Леонид Викторович — настоящий, тонкий, необыкновенный художник.

...Спектакль получился легкий, изящный, светлый и покорила весь Магадан. Сам Л.В. тоже работал легко, увлеченно, с задором. Он в те времена любил пошутить на сцене, придумывал разные смешные трюки и даже имел кличку Стружкомет — ее дал ему Василий Иванович Шушаев (на день рождения Л.В.

Ида ВАРПАХОВСКАЯ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КОЛЫМСКОЙ ТРАВИАТЫ

Леня Варпаховский.

Л.В. говорит:

— Так я же и есть Леня Варпаховский! А вы кто?

— А я — Юра Кольцов!

Мхатовский Кольцов! Они не узнали друг друга!

Кольцов принес буханку хлеба. Л.В., как ни старался сдержаться, съел ее целиком, ему сделалось худо. Его отпустили в санчасти, а потом оставили при бригаде. Л.В. начал с того, что поставил там «Мнимого больного» Мольера. Он мне говорил, что это был самый веселый спектакль в его жизни...

Кстати, Кольцов попал в культбригаду тоже необычно. Он погибал, был на лесоповале. Там был морг. А в этом морге работал старик караульный. У его печки часто собирались уголовники погреться. Сторож играл с ними в карты и в домино. А когда у него не случалось партнеров, сажал мертвецов и «играл» с ними. Как-то Юра отчаялся и зашел в избушку. Уголовные взглянули на него: «Ты кто?» Он говорит: «Я артист». — «Ах, артист, ну так тисни роман». Уголовники жестоки, как звери. Но если вы им расскажете что-нибудь жалостливое, например как мать бросила грудного ребенка на произвол судьбы, они будут обливаться горючими слезами. Юра же был великолепный чтец и великолепный актер! Он стал читать им Чехова. Они слушали, развесив уши. Его стали пускать в сторожку. Как-то туда нагрянул начальник этого лагеря, стал выяснять, что там происходит. «Да вот, — говорят, — артиста вот слушаем». — «Кто такой?» Юра говорит: «Я — артист МХАТа». А у этого начальника, как выяснилось, была слабость к театру. Он привел Кольцова в свой кабинет, вынул наган, положил его на стол и говорит: «Рассказывай. Если ты действительно артист, я тебе помогу. Но если ты наврал, то я тебя хлопну на месте». Борюсь со страхом, Юра стал что-то рассказывать и так понравился начальнику, что тот устроил его в бригаду (кстати сказать, этот начальник потом проворовался, оказался в лагере и у нас в «Травиате» пел в хоре, такая вот судьба...)

И еще одну историю хочется рассказать, поскольку благодаря ей Л.В. попал в Магадан. После «Мнимого больного» Л.В. стал известен. Спектакль возили по многим приискам. И вот (дело происходило во время войны) начальник горного управления, по фамилии Гакаев, приказал к 7 ноября «сочинить концерт». Гакаев был страшной личностью. Он ходил по забоям и, если видел, что человек не может двигаться, «до-

вал Школьник, — что освободят». И Л.В. «соблазнился». Они пишут пьесу в стихах «Днепр бушует». Л.В. оркестрирует Героический этюд Шопена в расчете на маленький состав оркестра, Нальский репетирует фашистского генерала, Рытклов играет матроса.

И вот все готово. Их везут в клуб, все музыканты во фраках, из-под телогреек торчат фразные хвосты. А Киев не взят! По дороге Л.В. и Школьник судорожно переделывают текст, вставляют вместо Киева какой-то другой город. Ничего не сходит. В таком состоянии приезжают в клуб. Идет торжественная часть, они сидят, лихорадочно все переписывают, переделывают, ничего не клеится. Кончается торжественная часть, встает председательствующий и сообщает: «Товарищи, только что получена телеграмма: доблестные части Красной Армии освободили город Киев! Художественная часть».

Л.В. говорил, что у него никогда не было такого успеха. Люди кричали «ура!», бросали шапки на сцену.

На следующее утро приехала черная «эмка» и увезла Л.В. в Магадан, куда его назначили художественным руководителем городской культбригады.

копию, кажется, с герасимовского портрета. Никишов — хозяин края — лично принимал работу, пришел в ярость: «Кто посмел изобразить Иосифа Виссарионовича с грязным воротничком?!» — «Это не грязь, это тень. Тут боковой свет». — «Какая еще такая тень?!» Василия Ивановича Шушаева из барака отправили прямо в карцер. Тогда же последовал и Вегенер — он писал другой сталинский портрет. Шушаев спросил: «А вас-то за что?» — «Не знаю, — отвечал Вегенер, — наверно, за компанию».

Вообще о художественном вкусе и культурном уровне наших хозяев много можно вспомнить. Например, руководительница магаданского театра, этакая огромная матрона, потребовала убрать из фойе безобразное художество — портрет мужика с красной рожой. А когда ей объяснили, что это великий русский композитор Мусоргский — копия Шушаева с репинского портрета, — сокрушалась, что композитора нарисовали в таком неприличном виде. А Александра Романовна Гридасова, могущественная покровительница искусств, жена Никишова, как-то прислала Л.В. распоряжение, в котором приказала включить в программу концерта «куплеты Дореадота».

ства, когда по комсомольской путевке в Магадан приезжает молодая Александра Гридасова. Случайно знакомится с Никишовым. Роман. Жена и дети отсылаются на материк, и Гридасова поселяется в особняке Никишова. Она делает стремительную карьеру — сначала получает чин лейтенанта, а затем становится начальницей Маглага. В ее распоряжении личная машина с шофером, обслуга. Отныне она, Александра Романовна, решает стать покровительницей искусств. Именно она организовала нашу культбригаду, которая потом и переросла в театр.

И вот осенью 1943 года — не помню месяца, знаю только, что это была осень, — сижу я в конторе. Вдруг открывается дверь и входит человек, невысокий, невероятно худой, лицо в морщинах, мне еще показалось, что у него безумно длинные руки — ниже колен. Одет в телогрейку, стеганые штаны, на ногах — матерчатые бурки, а на голове — ушанка из собачьего меха. (Потом я узнала, что он очень гордился своим нарядом, его собирали в дорогу все его товарищи, каждый дал что мог.)

— Знакомьтесь, наша певица Зискина, наш новый руководитель культбригады — Варпаховский.

Шушаев преподнес ему большую коробку, перевязанную красивой лентой и наполненную обыкновенными стружками).

Пока шла работа над «Похищением Елены», у нашего дирижера Конака Новогрудского возникла идея поставить «Травиату». Л.В. считал эту затею утопией. Но мы с таким энтузиазмом взялись за работу, что он решил не вмешиваться. Постепенно, однако, увлекся и он сам, и после «Елены» началась настоящая работа над «Травиатой». Л.В. всегда был внутренне готов к музыкальному спектаклю. Он говорил, что истинный драматический спектакль строится по законам музыки.

...Наконец премьера. Успех оглушительный. Меня и Л.В. на руках отнесли со сцены на второй этаж и без конца качали. У меня просто закружилась голова.

Через несколько дней Никишов в своей ложе с генералами слушал спектакль и говорил свите: «Здесь недавно были белые медведи, а теперь мы оперу слушаем», — и послал за кулисы несколько яблок.

Были награждены мы грамотой, на которой был изображен Сталин, а Л.В. — снижением срока на полгода.